

спеть три мессы к Рождеству

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Дух Рождества незримо веет над Санкт-Петербургом. Его дыхание донеслось уже до филармонических залов, где наперебой исполняют мессы. В Большом зале филармонии прозвучала Шестая месса Шуберта — последняя из написанных композитором. А на следующий день в зеркальном зале Шереметевского дворца пели две «краткие» мессы Иоганна Себастьяна Баха.

В зеркальном углу дворцовой залы стояла пышно наряженная елка. Елка искусственная, но это было неважно. Важным было ощущение праздника, которое она вносила в предконцертную суету. В этот вечер готовилась презентация нового коллектива: только что рожденный «Один оркестр», возглавленный талантливым скрипачом Владом Песиним, готовился предстать перед публикой. Оркестр получился крохотный: всего двенадцать-четырнадцать музыкантов, играющих в основном на струнных и «деревяшках». Дополняли состав маленький голубой клавесинчик и орган-позитив, за которым восседал известный органист Гриша Варшавский. Камерный состав оркестра идеально подходил для исполнения Баха и вообще барочной музыки. В XVII—XVIII веках почти всегда сочиняли в расчете на небольшие составы. Изредка из-за кулис появлялась благородная виола да гамба; она заменяла более экспрессивную по звуку виолончель. Стремление добиться аутентичности чувствовалось и в отборе инструментов,

и в минимизированном составе участников. Молодежный хор Юлии Хуторецкой сжался до четырнадцати человек; в первом ряду сама Юля пела вместе со всеми, подбадривая хористов энергичными кивками головы. Дирижера не было — такова принципиальная позиция коллектива, недаром названного «Один оркестр» (одно из значений — «оркестр без дирижера»). Звучали Третий Бранденбургский концерт с виртуозно выписанными облигатными голосами, две мессы, веселая и грустная (соль-мажор и соль-минор), и вдобавок более поздняя Симфония Филиппа Эммануила Баха, гораздо более прeusпевшего при жизни сына Иоганна Себастьяна. К слову, при всех достоинствах куртуазно-реверансной Симфонии Филиппа Эммануила музыка отца помощнее будет. Мессы были написаны Иоганном Себастьяном в 1737 году и посланы королю как музыкальное приношение в знак благодарности за присвоенное звание придворного композитора. Обе они составлены из фрагментов, заимствованных из собственных кантат, и являют собою замечательные образцы мессы-пародии — произведения, созданного на основе заимствованного или переработанного материала. Детская, нерассуждающая

вера Баха в величие Творца и гармоническую красоту мироздания всегда ясно слышна в его музыке и столь заразительна, что раскрашивает любую хмурую действительность в радужные, яркие тона. Однако исполнение было далеко от совершенства. Отсутствие дирижера и недостаточность репетиций сказывались на выборе темпов — почти всегда пограничных и потому неудобных для исполнения. Ни быстро, ни медленно, где-то между *allegro* и *allegretto*. К концу каждой части темп начинал неудержимо «сползать», замедлялся, теряя драйв и чеканность. Некому было четко показать вступление — и начало первой же мессы оказалось смазанным, все участники вступили вразнобой. Но в том-то и заключена загадка: музыка — материя такого свойства, что формальное неблагополучие в произнесении текста или огрехи в артикуляции становятся неважными, если сохраняется главное — дух, драгоценное содержание. Можно сыграть текст абсолютно точно — и выйдет механическое пианино, отстукивание нот и полная бессмыслица. А можно сыграть с ошибками, но живое и заинтересованное музицирование наполнит произведение жизнью. Нечто подобное произошло и на концерте в Шереметевском дворце.